

Глава 1

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

В пятницу, 14 ноября 1969 года, человек в темно-сером пальто сошел на станции Анн-Арбор с поезда, прибывшего в 8.30 утра из Чикаго, и взял такси. Оно остановилось на перекрестке улиц Стейт и Саут Университи. Пассажир вышел и присоединился к толпе студентов, которые спешили на лекции по широко раскинувшейся территории студенческого городка Мичиганского университета. Ледяной ветер, порывами наносивший снег с озера Гурон, сотрясал голые ветви деревьев перед Лорч-холлом. Сквозь вращающиеся стеклянные двери человек вошел в шестистажное здание экономического факультета. Никто не обратил особого внимания на коренастого мужчину в пальто модного покроя, хотя вид его не вязался ни с преподавателями факультета экономики, ни со студентами. Задержавшись перед доской объявлений, где висело расписание занятий на этот день, он пробежал глазами список и зашагал по коридору цокольного этажа здания¹.

В одной из аудиторий пожилой человек читал студентам лекцию на английском языке с сильным американским акцентом. Несмотря на то что он весьма постарел, гость без труда узнал его по фотографиям, имевшимся в личном деле тридцатилетней давности, где содержалось следующее описание: «Выше среднего роста, атлетического сложения; нос слегка перебитый; лысеющая голова, волосы сильно поседевшие. Носит короткие усы, тоже седые; очень решительные черты лица, манеры, походка и жестикуляция; отрывистая, резкая речь; серые пристальные глаза. Прекрасно владеет английским языком, говорит с американским акцентом. Хорошо говорит по-немецки, более или менее свободно объясняется на французском и испанском языках»². Усы его давным-давно были сбиты, голова почти совсем облысела, а гнусавый американский выговор стал еще

заметнее. Годы сделали свое дело с атлетической фигурой, наделив ее академической сутулостью. Однако не могло быть ни малейшего сомнения, что это был тот самый человек, который ему нужен.

Убедившись в этом, гость тщательно прикрыл дверь и взглянул на часы. До конца лекции оставалось пятнадцать минут — ну а потом он представится преподавателю. Поезд из Чикаго тащился долго, в нем было холодно, и гость пошел назад по коридору в поисках туалетной комнаты.

Не прошло и десяти минут, как человек в темно-сером пальто вернулся к аудитории. К своему смятению, он обнаружил, что она пуста. Мысленно он обругал себя за то, что поставил на первое место удовлетворение естественных потребностей; это был просчет, из-за которого он упустил возможность без труда установить контакт с человеком, в поисках которого проехал половину земного шара. У него были и домашний адрес, и номер телефона преподавателя, но, как подобает осторожному и методичному исследователю, он решил проверить их в регистратуре университета. Однако он не стал делать этого на экономическом факультете, а перешел в примыкающее к нему отделение физических наук и там попросил список постоянных преподавателей и почасовиков. Он обнаружил, что имя сотрудника юридического факультета Игоря Берга было одним из немногих, которое не сопровождалось учеными званиями. Преподаватель проживал в доме 400 по Мэйнард-стрит, квартира 703, то есть всего в двух кварталах от университета.

Куранты над студенческим городком пробили полдень, когда гость шел по Стейт-стрит в направлении Уильям-стрит и, повернув направо, оказался на Мэйнард-стрит, где и находился одиннадцатизэтажный многоквартирный дом. Это была примитивная бетонная коробка, квартиры в которой, рекламируемые как «спокойные и комфортабельные», служили временным прибежищем для приглашенных лекторов и студентов-выпускников.

Медленно пройдя мимо входа с навесом, ведущего в Мэйнард-хаус, он заметил, что за конторкой восседал привратник устрашающих габаритов. Посетитель не желал, чтобы о нем докладывали, опасаясь насторожить г-на Берга; поэтому он нырнул в расположенный по соседству магазин канцелярских принадлежностей.

Подглядывая из-за удобно расположенного стенда с поздравительными открытками, он имел возможность наблюдать за входом

в Мэйнард-хаус, выжидая удобный момент, чтобы проникнуть туда без доклада.

Заприметив трех школьников, которые пересекали улицу в его направлении со стороны Уильям-стрит, человек не спеша вышел из магазина. Тут он увидел котенка, бродившего вдоль тротуара, и, быстро сориентировавшись, подхватил его и крикнул школьникам как раз в тот момент, когда они подходили к подъезду Мэйнард-хауса: «Это случайно не ваша кошка?» Один из мальчишек сразу же подошел, чтобы заявить свои права на котенка, и незнакомец вручил ему животное с дружеским предупреждением об опасности, которой подвергается кот, гуляющий по проезжей части дороги. Затем, когда мальчишки вежливо придержали для него открытую дверь, он перевел разговор на бейсбол. Прожив несколько лет в Соединенных Штатах, он знал, что можно завязать разговор с кем угодно, если заговорить о столь любимом американцами спортивном зрелище. Пока они шли через вестибюль к лифтам, он деловито поделился с ними своими взглядами на результаты недавних финальных игр. Привратник, решив, что мужчина идет вместе с мальчиками, не стал его окликать. Не заметил он и того, что незнакомец в темно-сером пальто внимательно читал фамилии на почтовых ящиках в вестибюле, пока вся компания ждала лифта.

Войдя в кабину, один из мальчиков нажал кнопку седьмого этажа. Мужчина выбрал восьмой этаж, чтобы поддержать впечатление, что он живет в этом доме. Когда мальчики выходили из лифта, он попрощался с ними и, поднявшись сначала на восьмой этаж, спустился затем на седьмой. В коридоре никого не было, и несколько мгновений спустя он стоял перед дверью квартиры 703, где проживал человек, называвший себя Бергом, который и был объектом его пятилетних поисков.

Посетитель легонько постучал в дверь, а затем осторожно переместился таким образом, чтобы не попадать в поле видимости дверного глазка. Предосторожность была нелишней, и он услышал лязг трех отпираемых замков. Дверь осторожно приоткрылась, оставаясь на крепкой дверной цепочке. В образовавшейся узкой щели показались слегка свернутый нос и ясные серые глаза пожилого человека, которого он видел в аудитории.

«Могу ли я поговорить с г-ном Орловым?» — вежливо спросил посетитель.

Жилец был явно испуган таким вопросом. «Кто вы такой?» — потребовал он ответа.

«Александр Михайлович, я — Феоктистов, — ответил мужчина. — Можно войти? У меня для вас письмо от старого друга».

Пожилой человек с явной неохотой снял цепочку, и незнакомец быстро шагнул через порог, заставив хозяина отступить внутрь квартиры, в гостиную комнату. Теперь, когда они оказались один на один, посетитель сказал, что он привез письмо от Николая Проккопюка, старого знакомого Орлова по Барселоне³. Он вынул конверт из кармана пальто и вручил его пожилому человеку, который занял оборонительную позицию, уверяя, что не знает никого под этим именем. Он высказал предположение, что посетитель, должно быть, ошибается, но когда он уже был готов возвратить нераспечатанное письмо, в комнату вбежала женщина. Седые волосы, собранные в плотный пучок, подчеркивали худобу и враждебное выражение ее лица.

«Кто вы?» — требовательно спросила эта похожая на птицу женщина. Когда же мужчина заявил, что он русский, привезший письмо от старого друга, она разразилась бурей протестов.

«Успокойтесь, пожалуйста», — сказал Феоктистов и сунул руку в карман пальто, чтобы вынуть паспорт, который удостоверил бы его личность.

Опасаясь, что незнакомец собирается вытащить револьвер, худенькая женщина напряглась, как испуганная кошка, а он протянул ей зеленый дипломатический паспорт с золотым серпом и молотом, удостоверяющий, что его владелец является членом советской делегации при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке.

«Саша, это — агент КГБ, он пришел, чтобы убить нас!» — пронзительно закричала женщина по-русски; глаза ее были полны ненависти, а голос выдавал страх. С истошным криком она кинулась вон из комнаты и вернулась с пистолетом в дрожащей руке, указательный палец лежал на спусковом крючке.

«Я застрелю вас! Вы явились, чтобы убить нас! — кричала женщина, ее голос дрожал от страха и ярости. — Саша, отдай письмо назад, оно отравлено!»⁴

В отчаянной попытке успокоить их посетитель выхватил письмо у пожилого человека и вскрыл конверт. Он энергично потер ладони о конверт и его содержимое, а затем лизнул обе руки.

«Видите, если бы письмо было отравлено, — заявил он, — я бы так не сделал».

Двадцать лет спустя Феоктистов, к тому времени уже вышедший в отставку офицер КГБ, чуть улыбался, вспоминая эту мелодраматическую сцену, когда он стоял в квартире в Анн-Арборе, уставившись на дуло заряженного револьвера.

Он сказал, что указания по проведению операции не подготовили его к агрессивной защите, которая выработалась у Марии Орловой за тридцать лет американского изгнания. Поэтому, оказавшись лицом к лицу с вооруженной револьвером женщиной, он мог лишь безмолвствовать, когда она стала торопливо выталкивать своего сопротивлявшегося мужа из комнаты.

«Но, Мария, я хочу поговорить с ним», — протестовал Александр Орлов.

«Нет, он уничтожит тебя», — возражала Мария.

Как вспоминал Феоктистов, пожилой человек повернулся к нему и повторил: «Я хочу поговорить с вами. Позвоните мне сразу же из телефонной будки на другой стороне улицы». Тут Мария приказала Феоктистову встать лицом к стене с поднятыми руками. «Она профессионально обыскала меня, как какой-нибудь полицейский», — вспоминал он с улыбкой.

«Вы прекрасно понимаете, кого вы разыскивали, — обличала его жена Орлова. — Люди, подобные нам, ненавидят КГБ, — продолжала она на грани истерики. — Мы убили бы вас, если бы смогли. Мы намерены немедленно сообщить обо всем американским властям».

«Успокойтесь, Мария Владиславовна», — без конца повторял Феоктистов обезумевшей от страха женщине. Он заверил ее, что в Советском Союзе Орловых больше не считают предателями и что ни он ни КГБ не собираются причинять им никакого вреда. Несколько раз он принимался объяснять, что намеревался лишь доставить письмо от старого соратника ее мужа по гражданской войне в Испании. Для большей убедительности Феоктистов добавил, что у него также есть вести от ее сестер, проживающих в Москве, и спросил, не хочет ли она их услышать.

«Я ничего не желаю слышать о сестрах от вас, — резко отвечала г-жа Орлова. — Оставьте моих сестер в покое»⁵.

«Вам больше нет дела до своих сестер?» — упорно продолжал Феоктистов.

«Знаю я, как советские граждане сначала получают письма из-за границы, а потом обвиняются во всех смертных грехах из-за связи с за-границей», — выпалила в ответ г-жа Орлова. Однако упоминание о се-страх, с которыми она не виделась более тридцати лет, по-видимому, что-то пробудило в ней. По словам Феоктистова, она неожиданно спросила у него имя его дяди. Когда он сообщил, что звали его Дмитрий Петрович Феоктистов и что он был заместителем начальника Управления делами Совета народных комиссаров, она сказала, что знала его.

Заметив недавний номер газеты «Правда» на столе возле жур-нала «Коммунист» с чернильным пятном на обложке, Феоктистов воспользовался временным затишьем в приступе гнева г-жи Орло-вой, чтобы попытаться ее урезонить. Орловы, очевидно, проявляют большой интерес к Советскому Союзу, сказал он, указывая на жур-нал. Мария стала уверять, что это выражается лишь в том, что они берут газеты и журналы на дом в местной библиотеке. Затем она на-пустилась на советских лидеров послевоенного периода. Она была особенно недовольна заявлением Никиты Хрущёва во время его пре-бывания в Соединенных Штатах, когда он сказал, что хотел бы, вы-йдя на пенсию, жить на американской ферме, если бы это позволил Центральный комитет. Это Мария Орлова считала «крайне непатри-отичным заявлением, недостойным руководителя великого народа». Феоктистов сделал вывод, что г-жа Орлова была, по всей видимости, убежденной русской патриоткой, и у него появилась надежда, что он еще сможет завоевать ее доверие. Однако это было нелегко сделать, поскольку г-жа Орлова все еще угрожающе размахивала револьве-ром, и он был вынужден отступить из квартиры в коридор. Феокти-стов встревожился, когда в коридор неожиданно вышел один из сосе-дей. Хотя Мария Орлова успела спрятать револьвер под передником, он боялся, что револьвер может выстрелить случайно⁶.

«У меня, кроме Саши, никого нет», — продолжала бушевать г-жа Орлова, рассказывая Феоктистову о том, как в 1940 году умерла их больная семнадцатилетняя дочь. Это произошло всего через четыре года после того, как они были вынуждены спасаться бегством в Со-единенные Штаты от сталинских «отрядов смерти». Феоктистов уз-нал также, что Орловы жили без работы в течение четырнадцати лет. Мария рассказала ему, что, когда денежные сбережения подошли к концу, им пришлось питаться одними кукурузными хлопьями. Они не имели возможности нормально жить вплоть до 1953 года, когда

получили гонорар за книгу Орлова «Тайная история преступлений Сталина», послужившую основанием для сенсационных заголовков в прессе после ее опубликования отдельными сериями в журнале «Лайф». Печальный рассказ о тяготах жизни Орловых не содержал важных сведений, собрать которые было поручено Феоктистову, но это были те немногие существенные подробности, о которых он мог доложить Москве после своего возвращения в Нью-Йорк. (Как ни удивительно, но в досье архивов КГБ не упоминается о том, что г-жа Орлова угрожала ему револьвером. Феоктистов объяснил, что он не упомянул об этом факте, поскольку не хотел рисковать возможностью еще раз встретиться с Орловыми⁷.)

«Беседа наша была напряженной, — вспоминал Феоктистов, — и временами Орлова собиралась уходить, но все-таки оставалась, как будто что-то притягивало ее ко мне». В своем официальном докладе он утверждал, что после часового противостояния лед недоверия г-жи Орловой несколько растаял. Однако ему не удалось уговорить женщину разрешить встретиться с ее супругом в тот день еще раз, и, посчитав, что сейчас он больше уже ничего не узнает, он завершил встречу, передав ей привет от сестер. Он заверил Орлову, что у них все благополучно и что в Советском Союзе у них хорошая работа. Это лишь вызвало у Орловой новый прилив враждебности, и она грубо отрезала: «Это не может быть правдой».

«Вы сорвали все наши планы! Вы нам все испортили!» — кричала г-жа Орлова, отступая в глубь квартиры. Но Феоктистов обратил внимание на сказанную ею прощальную фразу: «Тем не менее у меня появилось к вам некоторое уважение».

Затем Мария Орлова резко захлопнула дверь перед носом Феоктистова. Направляясь к лифту, он услышал, как запирались прочные замки квартиры 703. По словам Феоктистова, пока он не вышел в вестибюль, он не был уверен, что Мария Орлова не подняла тревогу и что внизу его не ожидает полиция. К его облегчению, в подъезде было пусто, за исключением привратника в форме, который не обратил на него никакого внимания.

Снова оказавшись на Стейт-стрит, Феоктистов поднял воротник пальто, чтобы защититься от ветра, и направился в сторону студенческого городка. Он поглядывал по сторонам, разыскивая телефон, и нашел будку, за которой, судя по всему, не было наблюдения. Феоктистов набрал номер 665-47-81 и с облегчением услышал голос

Орлова. В отличие от своей жены, настроенной явно враждебно, Орлов сразу же дал понять, что готов побеседовать.

«Бог мой, опять вы! Ну, здравствуйте еще раз! Мне так жаль, что Мария не дала нам поговорить и я не смог вас принять», — вспоминал Феоктистов слова Орлова, чей печальный голос ясно показывал, что у него не было враждебности к посетителю. Как рассказывал Феоктистов, момент наибольшей откровенности наступил тогда, когда Орлов спросил: «Скажите мне, вы — мой коллега?»

Феоктистов считал этот вопрос весьма важным. Тщательно подбирая слова, он постарался заверить Орлова, что его по-прежнему считают преданным товарищем те «старые друзья, которые его знали». Феоктистов упорно проводил эту мысль, убеждая Орлова, что ему действительно было поручено лишь передать весточку от «старых друзей», благодарных Орлову за то, что он остался «истинным патриотом». Друзья желали ему «доброго здоровья» и интересовались его «жизнем-бытьем». Феоктистов спросил у Орлова, нельзя ли им встретиться, на что тот уклончиво ответил: «Давайте поговорим по телефону».

Прошло более трех десятков лет с тех пор, как старый чекист последний раз виделся с представителями советской разведки, и Феоктистов, разумеется, хотел вытянуть все что можно из сохранившегося в памяти Орлова. Летом 1938 года, когда Орлов находился на вершине своей карьеры, руководя секретной работой в Испании, и пользовался доверием Сталина, он бежал в Соединенные Штаты. Орлов имел специальное звание майора госбезопасности в соответствии с приказом № 832/А от 14 декабря 1935 года и был награжден орденом Ленина. В то время это звание офицера НКВД приравнивалось к комбригу Красной армии. По нынешней табели о рангах его звание было бы равно генерал-майору или бригадному генералу сухопутных войск США. Таким образом, в историческом плане Орлов и по сей день остается самым старшим по званию из всех офицеров советской разведки, которые когда-либо бежали на Запад, прихватив с собой множество секретных сведений и имен нелегальных сотрудников советских агентурных сетей. Феоктистов надеялся узнать, не предал ли Орлов кого-либо из этих агентов в ходе допросов в ФБР и ЦРУ. Поэтому в ответ на вопрос Орлова «Что вы хотите узнать?» он одобряюще предложил ему рассказать «обо всем — о жизни, о здоровье, о своей работе»⁸.

«Я в добром здравии, но жизнь здесь скучная, — сказал Орлов, тщательно избегая говорить по телефону о чем-либо, кроме общих

тем. — Сейчас я не работаю, да у меня никогда и не было постоянной работы в Соединенных Штатах, — рассказывал Орлов Феоктистову. — Людям вроде нас они не доверяют».

Эти слова Орлова удивления не вызывали — ведь и в СССР не всегда доверяли полностью перебежчикам с Запада. Но когда он стал объяснять причину своих публичных заявлений, Феоктистов понял, что Орлов через него пытается заверить КГБ в том, что он не проданся американцам.

«Как вам известно, я написал две книги», — сказал Орлов Феоктистову. Он назвал «Тайную историю преступлений Сталина» «криком души», попыткой раскрыть факты, относящиеся к восхождению тирана на вершину власти. По мнению Орлова, это было важно с исторической точки зрения, поскольку информация была известна ему как высокопоставленному сотруднику советской разведки. О других фактах поведал ему брат жены Сталина, Павел Аллилуев, с которым Орлов работал в Германии в конце 20-х годов. Более того, по словам Орлова, он лично знал Сталина еще до своего назначения в Испанию.

«Кроме того, что я написал, я ничего больше не знаю, — заверял Феоктистова Орлов, — но вы можете быть уверены, что ничего из написанного мною не выдуманно». В 1953 году темой для заголовков в мировой прессе стал его рассказ о ледящих кровь преступлениях Сталина, в котором подробно описывалось, как были организованы московские показательные процессы, положившие начало «великой чистке». Публикация книги впервые привлекла к Орлову внимание ФБР после того, как он и его жена четырнадцать лет прожили изгнанниками в Соединенных Штатах.

«Пособие по контрразведке и ведению партизанской войны», появившееся десять лет спустя, не вызвало такого внимания у публики, как первая книга. По словам Феоктистова, Орлов заверил его, что в этой книге он опирался лишь на хорошо известные факты и случаи и не выдал никаких секретов. «Книга эта основывалась на чисто технических данных» и, по мнению Орлова, «могла бы быть переведена в Советском Союзе и использована в качестве практического руководства». Таким образом, говорил Орлов Феоктистову, он надеялся «оказать небольшую услугу моей стране».

Феоктистов вспоминал, как он попросил у Орлова экземпляр этой книги с автографом. Однако тот проигнорировал эту попытку

получить приглашение зайти к нему, чтобы взять книгу и воспользоваться этим для беседы в более приватной обстановке. Орлов также не был готов рассказать ему более того, что он уже поведал американцам о своей карьере в секретной службе Советского Союза.

«Собственно говоря, наш телефонный разговор закончился, как только я стал настаивать на личной встрече и беседе», — заметил Феокистов. По его словам, Орлов ответил тогда уклончиво, сказав, что «было бы бесполезно назначать сейчас место встречи там-то и тогда-то», но что он приветствовал бы приход Феокистова позднее для продолжения беседы.

«В тот же день на автобусе компании “Грейхаунд” я добрался из Анн-Арбора до Чикаго, откуда самолетом вернулся в Нью-Йорк», — вспоминал Феокистов. В своем докладе Центру, который был подписан им оперативным псевдонимом «Георг», он смягчил краски чрезмерно эмоционального поведения Марии Орловой. Феокистов утверждал в отчете, что у этой дамы «нервы взвинчены до предела» и что, по его мнению, ее реакция объяснялась «некоторой неуравновешенностью характера». Как он выразился в интервью: «Я ничуть не сомневался в том, что она в меня не выстрелит. В противном случае я действовал бы по-другому!»⁹

Феокистов умышленно оставил у Орлова впечатление, будто он намерен вернуться в Анн-Арбор до конца 1969 года. Однако он лишь три месяца спустя получил из Москвы разрешение на возобновление контакта с Орловым. Но в феврале 1970 года, когда Феокистов вновь приехал в Мичиган, он обнаружил, что вскоре после его посещения Орловы уехали из Анн-Арбора. Это подтвердили и на экономическом факультете, и соседи Орловых по Мэйнард-хаусу. Ни они ни привратник не могли дать ему нового адреса Орловых.

Бывший разведчик и его жена вновь ушли в подполье.

Феокистов возвратился в Нью-Йорк с пустыми руками и сообщил в Москву, что необходимо начать все сначала, чтобы выследить Орловых. Возобновив свою работу-прикрытие в качестве переводчика в советском представительстве при ООН, он стал ждать указаний из Центра. Прошло полтора года, прежде чем Феокистову вновь поручили «взять след». По его мнению, причиной столь долгой отсрочки возобновления операции послужила обеспокоенность Москвы тем, что бегство Орловых из Анн-Арбора показывало, насколько они были встревожены, когда спустя тридцать лет их нашел

представитель КГБ. Хотя в деле Орлова не указывается причин отсрочки проведения операции, совершенно ясно, что советская разведка не хотела запугать его до такой степени, чтобы он отправился в ФБР или ЦРУ с чистосердечным признанием. Такие последствия поставили бы крест на миссии, возложенной на Феоктистова, в отличие от тактики выжидания, рассчитанной на то, что со временем Орловы успокоятся, видя, что им ничто не грозит.

И действительно, неожиданное появление в квартире Орловых сотрудника КГБ «испортило все» даже в большей степени, чем напороочила ее хозяйка. Визит Феоктистова поставил Орловых перед опасной дилеммой. Это советский разведчик понял полтора года спустя во время их второго свидания. Тогда Орлов рассказал ему, что в первую встречу, в 1969 году, он не мог игнорировать возможность того, что незванный гость был агентом-провокатором из ФБР, посланным под видом офицера КГБ, чтобы заставить его выдать секреты, которые до тех пор Орлов скрывал от американцев. Он сказал Феоктистову, что в 1969 году у него не было иного выбора, кроме как доложить ФБР о своей встрече с советским разведчиком. Сохранившаяся у Орловых преданность Родине объясняет тот факт, что их сообщение американцам так разительно отличалось от изложения события Феоктистовым. Хотя версия ФБР все еще не рассекречена полностью, в резюме опубликованных документов сената США содержится рассказ г-жи Орловой, описавшей свое героическое двухчасовое «противостояние», которое, по ее словам, имело место в коридоре Мэйнард-хауса¹⁰. Как утверждали Орловы, они так и не разрешили агенту КГБ переступить порог их квартиры. Не сообщил Орлов своим американским покровителям и о том, что агент КГБ именно по его, Орлова, просьбе позвонил ему позже по телефону. По словам Орлова, он сразу же положил трубку, как только Феоктистов позвонил, упрекая за отказ принять его у себя на квартире. Г-жа Орлова тоже «забыла» рассказать ФБР о том, как она держала Феоктистова под дулом револьвера. Все это тем более странно, учитывая, что Мария Орлова страдала заболеванием сердца и ее состояние ухудшилось из-за постоянного страха, что раскрытие местопребывания семьи Орловых было прелюдией к их физическому уничтожению органами госбезопасности. И неудивительно, что теперь, когда КГБ стало известно их местопребывание, Орловы последовали совету ФБР уехать из Анн-Арбора и в целях собственной безопасности «лечь на дно».

«Если у Советов и есть скрытые мотивы в отношении Орловых, это никак не проявилось на сегодняшний день», — решило ФБР. Как сотрудник ООН Феоктистов не подвергался ограничениям в передвижениях, и его подход «не был незаконным», поскольку он не пытался «завербовать или угрожать» Орловым. Как следует из этого доклада, у ФБР не было никаких причин сомневаться, что Орловы говорили чистую правду о происшедшем между ними и визитером. Секретные данные 1938 года об аппарате советской разведки, которыми располагал Орлов, по прошествии более чем тридцати лет, к 1969 году, утратили свою актуальность, однако ФБР не исключало возможности его убийства с целью сведения старых счетов. Постоянный страх перед длинной рукой возмездия из Москвы заставил Орловых жить в изгнании под чужим именем. Когда в 1955 и 1957 годах Орлов и его жена давали показания в подкомитете по внутренней безопасности сената США, вся официальная переписка с ними велась через их нью-йоркского адвоката.

После смерти Александра Орлова в 1973 году Сенат США даже отдал ему дань восхищения. Сенатор Джеймс Истленд превознес до небес бывшего сталинского супершпиона, чье проживание в Америке было узаконено специальным актом Конгресса США как «одного из наиболее важных свидетелей», дававших показания в то время, когда Истленд возглавлял сенатский подкомитет по внутренней безопасности. Назвав Орлова «самым высокопоставленным офицером советской разведки из всех когда-либо перешедших на сторону свободного мира», Истленд заявил, что генерал оставил после себя «бесценное наследие в виде свидетельских показаний, рассказав как о внутренней системе, так и о целях коммунистического заговора, а также о деятельности коммунистического аппарата в смежных областях шпионажа и подрывной работы».

«Если и был в этом какой-то порок, то он относился не к Орлову, а к глубоко аморальной системе, от которой он отрекся. Этот бывший советский разведчик производил незабываемое впечатление, — утверждал сенатор. — Даже само слово “перебежчик” было до нелепости неуместным, когда его связывали с именем Орлова»¹¹.

Насколько в действительности неуместно называть Орлова «перебежчиком», показывают архивные документы КГБ, в деталях описывающие важность и масштабы секретов советской разведки, которые

он намеренно утаил от американцев. Документы показывают, что хвалебная речь сенатора Истленда, опубликованная по специальному распоряжению сената под заголовком «Наследие Александра Орлова», была не вполне уместна. Настоящие «честные» советские перебежчики прибывали на Запад после коренной перемены своей лояльности к советскому строю. Всем контрразведчикам приходится задавать себе извечные вопросы: «Следует ли им верить?» и «Не посланы ли они?» В случае с Орловым сейчас есть все основания действительно сомневаться в том, что сталинский мастер шпионажа вообще когда-либо был перебежчиком в истинном смысле этого слова. Ни в одном из документов, полученных из архивов в соответствии с законом о свободе информации и отражающих лишь небольшую часть записей о сотнях часов показаний, которые Орлов давал сотрудникам ФБР и ЦРУ, не содержится никаких указаний на то, что он когда-либо хотя бы в малейшей степени обнаружил свою действительную осведомленность о тайной стороне деятельности советской разведывательной службы. Несмотря на то что большая часть этих документов все еще остается засекреченной, совершенно очевидно, что Орлов не раскрыл ни одного из звеньев агентурной сети внедрения, к созданию которой, как показывает его дело из архивов КГБ, он до «побега» имел самое непосредственное отношение. Это видно из того, что некоторые из завербованных им агентов продолжали работать на советское государство на протяжении почти всех 1960-х годов. Сейчас есть все основания считать, что та информация, которую Орлов предоставил американцам, была тщательно продуманной уловкой с целью скорее скрыть, чем разгласить наиболее важные секреты, которые он знал. Несмотря на похвалы, расточавшиеся в его адрес сенатором Истлендом, Орлов, как сейчас выясняется, не отрекался от своей веры в идеалы ленинской коммунистической революции и никогда не был перебежчиком — он был всего лишь беженцем, спасавшимся от сталинского режима¹².

Даже у официальных лиц из ФБР и ЦРУ, которые на протяжении долгого времени, исполняя свой профессиональный долг, проводили допросы Орлова и консультации с ним, всегда присутствовало подозрение, что он придерживает некоторые из своих наиболее важных тайн. Для перебежчиков было характерно сохранять в запасе часть информации, чтобы иметь в будущем кусок хлеба, а Орлов был особенно сдержанным. Следователи ЦРУ признавали,

что у них вызывала беспокойство широкая осведомленность Орлова о Великобритании, которую он, по его собственному утверждению, приобрел, читая документы, передававшиеся в Центр советскими агентами, работавшими в Лондоне в 1930-х годах. Казалось, Орлов был до мелочей знаком с месторасположением и внешним обликом правительственных зданий в Лондоне, и не похоже было, что познания такого рода были приобретены лишь в результате чтения поступавших в Москву донесений. Однако он так и не признался, что когда-либо бывал в Англии, и было бесполезно пытаться получить от него какие-нибудь сведения, когда речь заходила о советских разведывательных операциях в странах Европы, в которых он участвовал до своего назначения в Испанию в 1936 году¹³.

Всегда присутствовало сомнение, что Орлов, неоднократно заявлявший о своей антикоммунистической позиции и лояльности по отношению к Соединенным Штатам, замалчивал важные секретные сведения по идеологическим соображениям, а имена советских агентов не раскрывал из чувства долга. Остается неясным, подозревали ли офицеры американской контрразведки, изучавшие донесения Орловых об их встрече с Феоктистовым, что истинная причина попытки КГБ восстановить контакт после многолетнего перерыва заключалась в стремлении убедиться в том, что Орлов не выдал американцам наиболее существенные секретные данные советской разведки.

Девяти томное досье Орлова из архивов КГБ не только впервые раскрывает, что же это были за секретные сведения, но и объясняет, почему по истечении четверти века было принято решение разыскать его. Подлинным «наследием Александра Орлова» являются архивные материалы, которые надежно хранятся в подвалах бывшего 1-го Главного управления КГБ в Ясенево¹⁴.

Досье Орлова — это поразительный документ, в котором можно найти сведения об операциях международного шпионажа и дезинформации, задуманных и осуществленных под личным руководством аса разведки, окончившего свои дни изгнанником из Отечества, служение которому было его целью¹⁵. Досье показывает, как приверженность Александра Орлова идеалам коммунизма в конечном итоге оказалась для него такой же роковой иллюзией, как и все хитросплетения против Запада, на разработку которых он потратил половину своей жизни.

Глава 2

ОТ ГИМНАЗИИ ДО ЧК

Игорь Константинович Берг — этим именем чаще всего пользовался Орлов в Америке, чтобы скрыть подлинную личность одного из самых известных ветеранов советской разведслужбы в изгнании. Для человека, который за свою карьеру советского мастера шпионажа сменил множество псевдонимов, надевать чужую личину было такой же привычкой, как для человека более мирной профессии — ежедневно менять галстуки, отправляясь на работу. Одно лишь его досье из архивов ФБР показывает, что в период пребывания в убежище в Соединенных Штатах он использовал не менее восьми разных имен. Если числом вымышленных фамилий измерять многоликость шпиона, то еще десяток псевдонимов, которые обнаруживаются в архивах КГБ, показывают, насколько сложной была маскировка Орлова. Однако, чтобы рассказать историю поразительной карьеры этого человека, мы будем называть его Александр Михайлович Орлов, то есть воспользуемся фамилией, которой он пользовался при выполнении своего последнего задания на посту руководителя советской разведки в Испании и под которой он лучше всего известен историкам¹.

Орлов сказал Феоктистову, что этот псевдоним присвоил ему лично Сталин. Однако в данном под присягой заявлении Службе иммиграции и натурализации он утверждал, что фамилию Орлов дал ему Максим Литвинов, министр иностранных дел, потому что по пути в Испанию ему нужно было пересечь границу гитлеровской Германии, где его прежняя фамилия была известна немецкому гестапо². Это лишь одно из несоответствий, всплывших на поверхность при анализе истории Орлова. Можно предположить, что он не хотел раскрывать, что знал Сталина лично, и ему было желатель-

но казаться менее значительным, чем он был на самом деле. Хотя между версией, которую он дал американцам, и документами из архивов КГБ имеется немало существенных противоречий, но в данных о его дате рождения и настоящем имени никаких расхождений не отмечается. Он родился в белорусском городе Бобруйске 21 августа 1895 года в семье Лазаря и Анны Фельдбиных, назвавших своего сына Лейбой. Как видно из его досье, хранящегося в ФБР, у него была сестра, которая стала впоследствии зубным врачом в Москве и умерла в 1918 году³. Их отец родился в многодетной семье евреев-ашкенази, переселившейся из Австрии в лесную глубинку европейской части России на изломе XVIII века, незадолго до злополучного похода Наполеона на Москву⁴.

Разгром французов сопровождался для растущего еврейского сообщества в России периодом относительной свободы от царских погромов, в течение которого дед Орлова с отцовской стороны создал процветающее лесопромышленное коммерческое предприятие, стал одним из столпов бобруйской синагоги и одним из ее главных благодетелей. В 1885 году он ездил в Палестину с делегацией русских евреев, чтобы купить там землю во время *Aliya Rishona* — первой волны эмиграции, воодушевленной призывом «*Beth Ya'akov lehu venelha*» («Дети Иакова, идемте!»). Дедушка Фельдбин вложил большие средства в покупку участка болотистой земли, названного «Врата надежды», в расчете на то, что его можно будет осушить и основать там поселение. В последние годы жизни Орлов с гордостью вспоминал, что его семья внесла свой вклад в создание государства Израиль в виде земельного участка, на котором был построен процветающий город Петах-Тиква⁵.

Хотя Орлов рос в последние десятилетия царского правления, его семья сохраняла прочные религиозные устои, несмотря на возобновившиеся погромы и волну антисемитизма. Семьи русских евреев, надеявшиеся построить лучшую жизнь, сталкивались с преследованиями и попадали под действие дискриминационных законов, запрещающих религиозным меньшинствам доступ в верхние эшелоны имперской бюрократии, к определенным профессиям и службе в вооруженных силах. Фельдбины передали веру своим детям как нечто большее, чем драгоценное духовное наследие; для Орлова это стало движущей силой в развитии личности и формировании характера. Это позволило ему пережить трудные времена, наставшие по-

сле того, как его семья решила остаться в России после неудачной попытки революционного переворота 1905 года, когда тетушки, дядюшки и двоюродные братья и сестры Фельдбиных предпочли присоединиться к массовому исходу в Соединенные Штаты⁶.

Среди тех, кто эмигрировал из Бобруйска и достиг положения в Америке, были многочисленные кузены, его друзья детства, самыми примечательными из которых были Исаак Рабинович, ставший попечителем нью-йоркского университета Брандиса, и Натан Курник, превратившийся в преуспевающего бизнесмена. Когда впоследствии Орлов оказался в изгнании в Америке, он обнаружил, что родственники, старые друзья, в том числе и его одноклассник Борис Розовский, были готовы оказать ему поддержку.

Розовский вспоминал, что в детстве ребята любили играть с Орловым, потому что он был предприимчивым, смекалистым и вообще прирожденным лидером. В первом томе его дела из архивов КГБ имеется портрет Орлова в подростковом возрасте, изготовленный бобруйским фотографом. На нем изображен молодой человек в сюртуке с высоким воротничком, с аккуратно разделенными пробором волосами, полными губами и торчащими ушами. Слегка насмешливое выражение лица и уверенный взгляд дают основания предполагать, что даже в годы ранней юности Орлов не страдал отсутствием самоуверенности. По словам Розовского, он был «одним из лучших учеников в школе», к тому же «весьма неплохим художником». Ближайший друг его мальчишеских лет рассказывал в ФБР, что Орлов был «хорошим гимнастом и прекрасно играл в футбол». Он вспоминал, как Орлов влюбился тогда в его сестру, хотя в социальном плане между их семьями лежала глубокая пропасть: родители Орлова были «довольно бедны», отец был всего-навсего агентом в лесоторговле, тогда как Розовские были богаты и владели несколькими фабриками. Розовский отмечает, однако, что Орловы были «очень религиозны» и что в их доме «не было ни пылинки»⁷.

Как это часто бывает с детьми, Орлова тянуло проводить время в более комфортабельной обстановке дома Розовских. По-видимому, на него производила впечатление разница в их социальном положении, и он всегда просил мать своего друга разрешить ему посмотреть на стол, который накрывали в ожидании важных гостей. Борис вспоминал, что его лучший товарищ Лейба «испытывал чувство обиды и зависти» из-за того, что Розовские были богаты, «но в то же

время он был джентльменом и говорил об этом так, чтобы никого не обидеть». Их дружба продолжалась все детство и раннюю юность. Розовский рассказывал, как Орлов спас его, когда он однажды летним днем 1913 года тонул, упав в одежде в реку во время катания на лодке. Храбрость Орлова никогда не была безрассудной, по словам Розовского, но опиралась на острый ум, который произвел впечатление на рабби, изучавшего с ними Тору, и дал ему возможность с блеском закончить школу⁸.

Орлов оставался близким другом Розовского до 1915 года, когда спад экономики военного времени вынудил его отца оставить лесоторговлю и перебраться в Москву в поисках более прибыльной работы. Школьные успехи Орлова и способность к рисованию помогли ему поступить в Лазаревский институт, где он проявил свои способности в изучении не только учебных дисциплин, но и прикладного искусства. Это учебное заведение было основано двумя братьями-армянами по фамилии Лазарян, которые готовили своих воспитанников к дипломатической и консульской службе. Впоследствии оно было преобразовано в Институт восточных языков⁹. Именно там Орлов крепко подружился с Зиновием Борисовичем Кацнельсоном, одним из кузенов, с которым они вместе жили в небольшой квартире. Зиновий был не менее способным учеником. Одними из лучших они закончили институт, но оставили искусство, предпочтя ему более солидную карьеру, и поступили в Школу правоведения при Московском университете, одно из прославленных учебных заведений царской России. Не успели они приступить к изучению курса юриспруденции, как их учеба была прервана в 1916 году, и оба были призваны в армию. Ни один из них не участвовал в боевых действиях. В год накануне революции они — рядовые пехотинцы — были, к своему счастью, прикомандированы к 104-му полку, который находился в резерве и дислоцировался на Урале¹⁰.

Когда Орлов был мальчиком, он мечтал о том, как станет взрослым и поведет в бой лихой кавалерийский отряд, и лишь позднее обнаружил, что его мечты были напрасны, потому что евреям невозможно было получить офицерское звание, не говоря уже о том, чтобы попасть в элитные подразделения царской армии. Однако для него открылась возможность сделать желанную военную карьеру в феврале 1917 года, после отречения Николая II благодаря реформам Временного правительства. В марте 1917 года Фельдбин

успешно прошел курс обучения в школе прапорщиков и к маю попытал счастья с радикал-революционерами, вступив в одну из фракций Российской социал-демократической рабочей партии. Орлов присоединился не к ленинской фракции большевиков, а к другой фракции РСДРП, которой руководил Соломон Абрамович Лозовский, впоследствии ставший генеральным секретарем Профинтерна (Красный интернационал профсоюзов). В качестве члена так называемой «группы интернационалистов» Лозовского Орлов завязал множество полезных контактов в революционных движениях и приобрел весьма хорошие знания английского, немецкого и французского языков. Однако, как показывает анкета в его личном досье, он не вступал в члены партии большевиков до 1920 года, когда его рекомендовал В. А. Тер-Ваганян, старый марксист, ставший его другом и политическим наставником¹¹.

«Я верил в программу и обещания Ленина», — этими словами впоследствии Орлов объяснял свое решение стать большевиком. «Я видел в его программе поразительный прогресс по сравнению с феодальным царским режимом, при котором 95 процентов населения были неграмотными, а меньшинства постоянно преследовались на религиозной почве»¹². Как и у многих евреев, которым предстояло сыграть ведущую роль в рождении советского государства, решение Орлова вступить в ряды революционеров было инстинктивной реакцией на погромы царского времени. Хотя он и не был активным участником Октябрьской революции, которая дала возможность ленинской партии большевиков захватить власть, но для него, как и для многих его современников, живших в этот бурный период, восстание было сродни духовному возрождению, причем не только для России, но и в личном плане. Хотя Орлов впоследствии разоблачил Сталина и перегибы его тирании, он до конца своих дней сохранил, подобно Граалю, веру в идеалы марксистско-ленинской революционной доктрины¹³.

Лояльность Орлова как солдата революции была вознаграждена назначением на невысокую должность в администрации Ленина, созданной им для того, чтобы взять под контроль своей находившейся в меньшинстве большевистской партии российское правительство и огромный бюрократический аппарат. С ноября 1917 до середины 1918 года Орлов возглавлял информационную службу Верховного финансового совета. Жизнь гражданского служащего,

по-видимому, мало привлекала Орлова, как это видно из его досье, и на следующий год он вновь оказался в армии. В новой Красной армии во исполнение большевистской политики, направленной на укрепление контроля путем внедрения в ее ряды образованных членов партии, он вступил в офицерский корпус, который подвергся реорганизации в соответствии с директивами народного военного комиссара Л. Д. Троцкого¹⁴.

В 1918 году разразилась кровавая Гражданская война, когда три белогвардейские армии — под командованием адмирала Колчака и генералов Деникина и Юденича — подняли открытые восстания против большевиков и, стремясь восстановить царский режим, двинули войска в центр России из Сибири, с Кавказа и со стороны Финского залива. Послужной список Орлова показывает, что в 1920 году он был направлен в 12-ю армию на юго-западной границе европейской части России в качестве следователя и заместителя командира «особого отдела» (военной контрразведки). Здесь ему впервые представился случай продемонстрировать свое хладнокровие под огнем в боях с наступающей польской армией. Законность этого иностранного военного вторжения была поддержана так называемой антибольшевистской русской народной армией, набранной Борисом Савинковым, лидером социал-революционной партии и бывшим членом Временного правительства. Цель Савинкова, непримиримого врага Ленина, как и цель других белогвардейских командиров, заключалась в том, чтобы разгромить Красную армию и прогнать большевиков с помощью вооруженных сил Польши¹⁵.

Русско-польская война принесла Орлову быстрое продвижение по служебной лестнице до руководителя диверсионных операций на юго-западе против польской армии и ее белых союзников. Он лично возглавлял операции на оккупированной поляками территории, устраивая короткие вылазки, в результате которых взрывались мосты, железнодорожные пути, электростанции и выводились из строя телефонные и телеграфные линии. Покрытый глухими лесами юго-запад России был идеальным местом для проведения подобных операций, поскольку диверсанты могли там незаметно прокрадываться через леса и проникать в тыл противника. Эти операции координировались с действиями 12-й армии, которая полагалась на разведанные Орлова, добытые в ходе таких вылазок. Некоторые из его рейдов в тыл противника проводились с единствен-